

всех восточноевропейских стран годами создавали мощные и многочисленные полицейские силы, которые не распущены и в период перестройки. Части этого аппарата сыска, устрашения и подавления могут какое-то время бездействовать; но их влияние за кулисами принятия политических решений вряд ли прекратилось. Кроме того, секретная полиция стран восточноевропейского блока действует совместно, и КГБ, несомненно, держит в руках многие нити. Вполне возможно, что подход правительств этих стран к уличным демонстрациям был сформулирован центром. Наконец, многие упрямые восточноевропейские лидеры еще не уверены, приживется ли горбачевская политика в СССР; если в будущем понадобится закручивать гайки, то не лучше ли не ослаблять их слишком сейчас.

Итак, даже если коммунистические правительства некоторых стран хотели бы определить свою политику относительно уличных демонстраций в соответствии с политикой демократизации, это до определенного времени будет наталкиваться на множество серьезных препятствий. Однако демонстрации заразительны, что видно на опыте Запада. Их труднее удерживать в рамках сотрудничества с участниками демонстраций, чем другие формы проявления инакомыслия. Поэтому нынешнее состязание воли правителей и управляемых, вероятно, будет идти с переменным успехом.

Юрий Орлов

СМЫСЛ РЕФОРМ ГОРБАЧЕВА

Введение. Советский режим улучшился. Улучшение состоит в том, что появились (хотя и маленькие) обратные связи, позволяющие людям хотя небыстро и немного, но улучшать режим в дальнейшем. Это, конечно, еще не демократия. Демократия — это общество, обладающее постоянной способностью к быстрому самоулучшению (путем взаимных компромиссов) под влиянием мирного, но свободного противоборства всех заинтересованных общественных сил. До такой демократии в СССР еще страшно далеко; но нельзя отрицать, что возможности для появления и развития общественных сил несколько возросли.

И советское общество и Запад кровно заинтересованы в дальнейших улучшениях в СССР. Однако без давления процесс улучшений может не только затормозиться, но пойти вспять. Чтобы оказывать влияние в нужном направлении, нужно понять, что происходит в этой стране. Ниже я даю свою интерпретацию происходящего. Но я высказывал эти же самые соображения и в то время, когда многие были уверены, например, что Горбачев является случайной флуктуацией, высчитывали, сколько времени еще он продержится, и предлагали даже не критиковать его, чтобы не ослабить его и без того, якобы, слабых позиций.

Другие рассчитывали (исходя, скорее, из своих желаний), что Горбачев пойдет очень далеко в своих реформах, надо только подождать и, опять же, не мешать ему. Мало кто понимал,

почему в СССР вдруг довольно круто поменяли политику, как реагировать на эти изменения.

1. Основные причины и цели реформ в СССР

Я считаю невероятным, чтобы в обозримом будущем руководящее ядро КПСС отказалось от основной стратегической цели: распространение коммунистического влияния и особенно влияния КПСС на весь мир. (Будет справедливым отметить, что многие народы мира переболели, а другие, вероятно, еще будут болеть аналогичными болезнями.) Необычность ситуации состоит не в отказе от стратегической цели, а в том, что, судя по всему, значительная часть советского руководства поняла: геополитические цели недостижимы при сохранении советской модели социализма в существующей форме.

Очевидно, было принято решение на высоком уровне — улучшить модель, приложить экстраординарные усилия для улучшения советского образа за рубежом, срочно изыскать и сконцентрировать ресурсы для вытаскивания страны из кризисной ситуации. И почти очевидно, что М. С. Горбачев не только взял на себя, но ему было и поручено выполнение этого решения.

Подчеркну еще раз: кризисная ситуация не понимается советским руководством как чисто внутренняя проблема. Кризис осознан как *кризис по сравнению с неуклонно развивающимся Западом*, ставящий под угрозу все амбициозные планы КПСС. Это и подвигнуло советских руководителей на душевно трудное и с их точки зрения даже „революционное” решение. Политический скачок в СССР не есть результат безумного решения одного человека.

Из этого следует и это объясняет необычно сильную (в такой ситуации) позицию Горбачева внутри советского руководства. Горбачев получил большие полномочия и большую личную власть для проведения в жизнь решения, принятого всей верхушкой, безусловно включая верхушку КГБ. Не следует принимать всерьез словесные противоречия между Горбачевым и руководством КГБ или, скажем, между Горбачевым и Лигачевым. Для сохранения своей исключительной власти КПСС нуждается

и в тайной полиции и в идеологической охране. Чины КГБ, между прочим, неоднократно заявляли, что именно им поручена „перестройка”. В этом есть доля правды.

Нет сомнения, партийное руководство понимает глубокую противоречивость задачи. С одной стороны, без перестройки невозможно продолжать борьбу за гегемонию. С другой стороны, существенное изменение советской модели в сторону демократий западного образца лишит ее оригинальности; в результате борьба за гегемонию потеряет свое психологическое оправдание и политическое прикрытие — лозунг борьбы за общество нового типа, против империализма Запада. А такие изменения, как переход к существенно неопартийной системе и/или допущение реально независимых от партии профсоюзов, в корне противостоят идее гегемонии КПСС.

Эти соображения определяют, более или менее точно, и пределы советских „реформ сверху” и ту важную неопределенную область, где можно вести тяжелую, но не безуспешную борьбу за „демократизацию под давлением”. Возможны предсказания. Например: не может ли их чисто партийная цель трансформироваться в чисто „русско-национальную” цель? Ответ: нет, так как в этом случае КПСС потеряла бы свои интернациональные идеологические лозунги, необходимые ей в борьбе за мировую гегемонию.

Конкретные причины реформ

Растущий (а не сокращающийся) технологический разрыв по отношению к Западу.

Упорная экономическая стагнация.

Хроническая неразрешимость проблемы пищевых ресурсов.

Чудовищно растущая коррупция и пьянство.

Некомпетентность и безответственность.

Эти проблемы десятилетиями лежали на поверхности и нужно было иметь особо устроенные мозги, глаза и уши КПСС и КГБ, чтобы не понимать, не видеть и не слышать того, что происходило в стране.

Падающий, а не растущий (до начала „перестройки“) престиж КПСС и СССР в мире.

Не падающий, а растущий престиж диссидентов-критиков среди части советской интеллигенции.

Постепенное идеологическое самоосвобождение интеллигенции.

Поддержка репрессированных советских диссидентов частью интеллектуалов Запада.

Упорная нелюбовь Восточной Европы к советской модели социализма.

Героическое сопротивление польских рабочих.

Неожиданное для советских лидеров упорное вооруженное сопротивление афганского народа.

К этому надо добавить невозможность в современных условиях прервать растущий поток фактической информации: изнутри страны на Запад — об истинном характере советского режима, о нарушениях прав человека; и извне в Советский Союз — об истинном уровне и качестве жизни большинства людей на Западе по сравнению с советским уровнем и качеством жизни.

Вот конкретные причины реформ. Это — призрак поражения на всем фронте борьбы „За победу коммунизма во всем мире“; не понимать этого можно было долго, но не вечно.

Союзники и противники Горбачева, союзники и противники реформ.

Одним из противников действительно радикальных реформ („ультраперестройки“ по определению Горбачева) является прежде всего сам М. С. Горбачев — в силу тех естественных ограничений, которые я описал выше. Горбачев — не защитник прав и не поборник мира по существу. Он — выдающийся политик, который войдет в историю как реформатор, реализовавший (небольшую) часть идей, давно сформулированных диссидентами. Но он лидер прежде всего правящей коммунистической партии, имеющий в виду исключительные интересы и глобальные цели этой партии. Кто „за него“?

КГБ, без сомнения, поддерживает борьбу с коррумпированными и некомпетентными бюрократами. Такую борьбу вели еще Сталин и Мао; новое здесь в том, что отчаявшееся советское руководство решило, наконец, прибегнуть, хотя бы частично, к некоммунистическим, западным методам борьбы с этим явлением. И это большой шаг вперед.

КГБ поддерживает, разумеется, борьбу за трудовую дисциплину и качественную работу — это тоже делал еще товарищ Сталин (посылая рабочих в концлагеря за двадцатиминутные опоздания на работу). Новое здесь в том, что, отчаявшись, власти частично согласились на такое западное средство давления на работника, как угроза безработицы. Это очень большой шаг, из которого логически следует необходимость создания независимых рабочих организаций (для защиты от произвола); однако на это КГБ и КПСС никогда добровольно не пойдут.

КГБ может поддерживать некоторые экономические новшества. Но так как „социализм держится на наших (КГБ) плечах“ и „нам (КГБ) поручена перестройка“, то именно КГБ постарается не допустить *действительной перестройки системы*, ее соскальзывания в „демократический социализм“ (кстати, еще не опробованный в мировой социальной практике. И это скорее хорошо: в принципе, в далеком будущем, советские лидеры могли бы отказаться от идеи однопартийной гегемонии и взять более эффективный „демосоциализм“ в качестве „оригинальной“ советской стратегической идеи).

Власти, например, не планируют пока даже возврата к системе НЭПа, введенной В. И. Лениным в начале 20-х годов и допускающей частную собственность и эксплуатацию в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания и в некрупной промышленности.

В политической сфере следует ожидать, что КПСС и КГБ будут преследовать тех, кто попытается сформировать новые политические партии, даже если это будут коммунистические партии, или независимые от КПСС профсоюзы. Между тем ясно, что однопартийная система автоматически порождала, порождает и будет порождать все более и более изошренную в своей импотентности партийную бюрократию. В долговременном

плане успешная борьба против бюрократизации в однопартийной системе принципиально невозможна.

Военные круги, говоря теоретически, должны поддерживать изменения, которые (в их максимальном варианте) могли бы обеспечить и высокий технический уровень армии и такую инфраструктуру страны, на которую можно рассчитывать, как на резерв, в случае внезапного ядерного конфликта. Такого резерва фактически нет в настоящее время; технологические и даже пищевые ресурсы малы с точки зрения ядерной войны. Я думаю, что часть военного руководства понимает это и способна к поддержке таких экономических реформ, которые пошли бы дальше того, что предлагает Горбачев. Но почти невероятно, чтобы они могли поддержать действительную политическую демократизацию, которой не хочет и сам Горбачев. Такая позиция противоречива, но отказаться от глобальных стратегических целей, для осуществления которых диктатура партии подходит лучше, чем демократия, военные круги едва ли захотят. (Я не сомневаюсь, что военно-промышленный комплекс стоит за мировую гегемонию СССР.)

Интеллектуалы кровно заинтересованы в свободе творчества и дискуссий, это есть условие их существования. Они частично получили это, и если бы не опасение, что весь (сохраняющийся в неприкосновенности) аппарат КГБ в один прекрасный день обрушится на любителей дискуссий, они откинули бы сомнения и скептицизм, законно существующие в настоящее время.

Косная часть бюрократии реформы не поддерживает. Она не имеет политической силы, ее оружие — импотентность, создание вязкости. Она опасна, конечно, для реформ, — но не для Горбачева лично, которого она всегда будет превозносить, как превозносила всех предыдущих диктаторов.

Рабочие, а также нерусские нации, не получили от перестройки ничего, и здесь содержится элемент действительной опасности для коммунистической системы, как ее мыслит Горбачев. Интересы и тех и других приносятся и будут приноситься в жертву стратегическим целям КПСС.

Между тем ясно, если говорить о нерусских нациях (о — „национальных меньшинствах”, среди которых, например,

сорокамиллионная Украина), что в современном мире централизованные многонациональные, политические империи экономически невыгодны.

Социальный смысл реформ

Реформы не имеют в виду улучшение жизни советского народа в качестве прямой цели. Народ не бунтует — этого достаточно для руководства страны, чтобы заниматься чисто стратегическими проблемами. Это было понятно с самого начала; эпизод с отстранением Ельцина, критиковавшего, в частности, этот аспект „перестройки”, был только дополнительным указанием на то, чего *не было* запланировано руководством КПСС в решении о „перестройке”.

Социальный смысл реформ Горбачева состоит в том, что (для остановки загнивания) получают некоторую ограниченную свободу деятельности непосредственные руководители материального производства, вместе с соответствующим культурным окружением. Сильно ускорился давно начавшийся в СССР переход от власти чисто партийной бюрократии к власти партийной и около-партийной *технократии*. В условиях однопартийной системы это скорее „бюротехнократия”.

Рабочие получили еще один тур более жестких требований без той компенсации, которую имеют (в результате вековой борьбы) рабочие Запада: без легальной возможности постоянной борьбы за улучшение своих условий.

С более теоретической точки зрения в СССР происходит переход от общества без частной собственности и без частной инициативы к обществу без частной собственности, но с частной инициативой („право хозяйствования без права собственности” по китайской терминологии). Мечта руководства — стимулирование частных инициатив при одновременном довольно жестком отказе от возврата к частной собственности. Только дальнейшие неудачи, смогут, может быть, изменить их подход.

Общая оценка реальной ситуации. Где возможна „демократизация под давлением”?

Проведенные ограниченные экономические реформы еще

не дали ожидаемого руководством результата и в их существующем виде такого результата дать не могут. Например, представляется очевидным, что проблема пищевых ресурсов в советских условиях не может быть решена без *полного* отказа от колхозной структуры. Сходная структура (общины) стала неэффективной в России и на Украине сто лет назад. Неэффективность советского сельского хозяйства по сравнению с западным вообще потрясает. Но КПСС не планирует перехода к современному фермерскому (в сущности, безкрестьянскому) способу производства. Тут не только идеологические и стратегические трудности. Реальная проблема состоит, например, в том, что переход к фермерской системе потребовал бы перестройки агротехнической промышленности. Но все-таки главное — потребовалось бы резко расширить сферу свободного рынка. Этого последнего КПСС боялась и боится.

Аналогичны трудности в индустрии. Половинчатые меры приводят к внутренней нелогичности структуры и некоторому беспорядку в управлении. Конкретный руководитель производства все еще не является хозяином процесса производства. В современной крупной индустрии, в исторически сложившихся советских условиях, квалифицированный руководитель в подавляющем большинстве вовсе не стремится быть частным собственником (не хотят этого и рабочие); он хочет только, чтобы у него были развязаны руки, как у хозяина производства. Однако, чтобы он стал полновластным хозяином производства, нужно не только почти полностью отказаться от партийного контроля в хозяйственной сфере, в частности, во внешнеэкономических связях, не только согласиться на почти рыночную экономику, но и, во избежание беспорядков, обезопасить рабочих от произвола менеджеров, т. е. дать свободу профсоюзам. Все это для КПСС-КГБ пока немыслимо. С точки зрения глобальных целей КПСС все теряет смысл, если она лишается контроля в ключевых областях и если она не обладает своей собственной, не заимствованной у Запада, идеей социальной структуры. Поэтому в ближайшем будущем не следует ожидать от Горбачева действительно революционных мер в этой сфере.

Тем не менее, продолжение неудач в соревновании с Западом может заставить советских лидеров „отступать с боями”,

переопределяя понятие социализма на каждом шаге отступления. Каждый раз будет возникать некая область, где советские независимые борцы за реальные, а не бумажные социальные и другие права могли бы подталкивать события.

Где сегодня лежит такая область?

Во-первых, положение трудящихся — правовое, экономическое, социальное. В СССР люди в целом живут значительно хуже, чем на Западе. Так называемые социалистические клубы — довольно массовые политико-дискуссионные группы, возникшие на волне „гласности”, очевидно, втянутся в эту проблему. К сожалению, Социалистический Интернационал реально не интересуется неофициальным социалистическим движением в Советском Союзе; но, возможно, в будущем ситуация изменится.

Во-вторых, борьба за мир — сегодня за мир в Афганистане, т. е. за безусловный вывод советских войск с несоветской территории; за вывод советских войск из Восточной Европы, которой, помимо советских войск, никто там не угрожает; за свободное общение — не избранных властями людей, а миллионов граждан СССР и Запада друг с другом; за открытость в сфере военных акций правительства, в частности, за возможность информации о ядерных базах, ракетах, подводных лодках и т. п. (т. е. такой информации, какой, в основном, обладают люди на Западе). „Новое мышление” властей в этой сфере мало пока отличается от прежнего полицейского мышления. Прогресс, однако, не исключен. Например, переход к более открытым границам возможен уже потому, что изоляционизм противоречит идее мировой гегемонии. К сожалению, западные интеллектуалы — независимые борцы за мир и безопасность, число которых огромно, мало интересуются советскими независимыми борцами за мир и безопасность, фактически принимая советскую официальную позицию, которая гласит: на Западе за мир реально борется общественность, в СССР — люди, поставленные на эту работу властью.

Третья область борьбы — права человека в более узком смысле. Это, в частности, защита тех людей, которые так или иначе преследуются за борьбу в первых двух областях. Советские диссиденты имеют огромный опыт общественной

деятельности этого рода, причем, опыт в труднейших советских условиях. В частности, можно ожидать (переменного) успеха в борьбе за освобождение всех политических заключенных и за полную ликвидацию соответствующих политических статей уголовного кодекса. Пока существуют политические заключенные, нельзя говорить о сколько-нибудь устойчивой либерализации. Всеобщая политическая амнистия как политическая акция, а тем более реабилитация политзаключенных Горбачевым не проводились; политические концлагеря сохраняются; деятельность независимых от КПСС правозащитных (и пацифистских) организаций по-прежнему наталкивается на административное давление, угрозы, избиения, задерживания, увольнения с работы и т. д., т. е. требует особой самоотверженности.

Вообще, *все обратимо, пока существует КГБ. Горбачев будет, конечно, сохранять эту репрессивную антинародную организацию.* В этом смысле, к сожалению, нельзя говорить об устойчивости реформ.

Важный фактор, однако, вселяющий большие надежды на глубинную необратимость, — это общественная активность все большего числа граждан, постепенно втягивающихся в критику, в полу- или хотя бы в чуть-чуть независимые организации, их желание критиковать дальше разрешенных партией пределов. При любом способе оценок это есть новый этап в развитии общества. И при любом способе оценок нельзя забывать, что эта активность разбужена не только предыдущей борьбой и жертвами диссидентов, но и *гласностью* Горбачева, как ограничена ни была эта „гласность”.

Права человека в СССР и международная безопасность

Существует *прямая* связь между правами человека в СССР и международной безопасностью. Это обусловлено, конечно, тем, что СССР является сверхдержавой, ставящей перед собой радикальные геополитические цели. Если бы это была цивилизованная, гуманная, демократическая страна, то такие цели не были бы столь опасны; кроме того, гуманизация приводит в конце концов к пониманию идиотичности идеи мирового господства.

Советское руководство прилагает сейчас колоссальные усилия с целью создать образ „нового, гуманного” Советского Союза. Но нельзя забывать, что дезинформация и односторонняя пропаганда всегда являлись наиболее сильной стороной КПСС и КГБ. До реального гуманизма, к сожалению, очень далеко. Достаточно вспомнить:

Условия содержания заключенных, и уголовных и политических (причем подавляющее большинство советских политических заключенных не являются ни политическими, ни, конечно, уголовными, с точки зрения цивилизованного общества: это правозащитники или верующие активисты).

Смертные казни. Они отменены в большинстве западных стран, но — частое явление в СССР.

Многочисленные уголовные лагеря — школы жестокости для миллионов рабочих юношей.

Чудовищную жестокость войны в Афганистане.

Противоречащее основному праву человека — праву духовного общения со своими детьми — отношение режима к религиозному воспитанию детей в религиозных семьях.

Дискриминацию ряда нерусских наций.

Средневековое отношение к тем, кто не хотел бы жить в этой стране.

Но есть и другая сторона. СССР отнюдь не общество, не имеющее истории, культуры и гуманистических традиций. Нельзя забывать, что даже и русская революция, пошедшая обычными для революций кривыми кровавыми путями, была для многих интеллигентов (ошибочной, но) реализацией их сочувствия к народу.

Не только русский — многие народы проходили через ошибки и моральные провалы. В США освободили рабов не раньше, чем крепостных в России, а расовая дискриминация продолжалась значительно дольше. Континентальная Европа не в столь далеком прошлом проходила через фашизм, нацизм, чудовищный антисемитизм, сотрудничество с нацистами. Давно ли распались колониальные европейские империи? Не существует безукоризненных или безнадежных народов. Гуманизация советского общества может быть достигнута в обозримые сроки под влиянием непрерывной, поддерживаемой

международным давлением, внутренней и международной критики. Международное сообщество и сам русский народ нуждаются в этом.

Существуют и более прямые связи между правами человека в СССР и международной безопасностью.

Закрытые границы и продолжающийся контроль КГБ над общением рядовых советских граждан с гражданами других стран в сильнейшей степени мешают возникновению истинного, пронизанного миллионами личных контактов, доверия между народами. Борьба за открытые границы — это проблема взаимного доверия, и, значит, взаимной безопасности.

Громадная секретность в сфере принятия важнейших стратегических решений не позволяет гражданам СССР не только влиять на них, но даже и знать о них. Гласность, как я отмечал выше, практически не коснулась этой сферы. (В США в этой области положение далеко от идеала, но несравнимо лучше, чем в СССР.) Можно ли утверждать в такой ситуации, что, выйдя из кризиса, СССР не начнет, без всяких внутренних препятствий, новые агрессивные акции, какими были интервенция в Афганистан, размещение в Европе оружия, превосходящего все пределы необходимой обороны, и пр.? Мир кровно заинтересован в гласности в СССР, но не только в горбачевском, а в ее действительно современном смысле.

Наконец, только демократизация советской экономики (в западном смысле) позволила бы Советскому Союзу вращаться в такие тесные экономические связи с западными странами, которые возникли на Западе после второй мировой войны, и которые практически исключают сегодня возникновение войн между западными странами. Это значит, что не только советские люди, но весь мир заинтересован в более радикальных экономических реформах в СССР.

Проблема разоружения и демократизация

Разоружение и демократизация — это две, если можно так сказать, независимые переменные международной безопасности, тесно связанные между собой.

Необходимо трезвое понимание всей сложности того, что

происходит. Согласие СССР и США на частичное, но сбалансированное ядерное разоружение, чем бы оно ни было продиктовано, без всякого сомнения, делает мир более безопасным. При этом хорошо видно, что один из ключевых моментов — инспекция на местах — стал разрешим именно и только в результате перехода к более открытому обществу в СССР. Это наглядный пример прямой связи между безопасностью и демократизацией, даже в таком ее ограниченном виде.

Но нельзя забывать основного мотива СССР — без резкого сокращения военных расходов СССР не сможет быстро выйти из кризиса. Мир заинтересован, чтобы СССР вышел из этого кризиса *намного более либеральным*; в противном случае СССР будет опять готов к броску к намеченной цели, от которой КПСС отнюдь не отказалась.

Нужно развивать демократические движения в СССР. Нужно всеми силами помогать им.

30 января 1988